

С. С. Черников, *Восточный Казахстан в эпоху бронзы*. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 88, Изд-во Академии наук СССР, М.— Л., 1960, 272 стр.

Рецензируемая книга представляет собой монографическое исследование по археологии восточных областей Казахской ССР, основанное на результатах многолетних полевых работ автора в качестве начальника Восточноказахстанской археологической экспедиции ИА АН СССР и ИИАЭ АН Казахской ССР, и является частью задуманных им «Очерков древней истории Восточного Казахстана» от древнекаменного века до тюркского времени. Выпуск в свет этой части предполагаемого большого труда раньше других обусловлен, как пишет автор, важным значением эпохи бронзы в истории Восточного Казахстана, а также тем, что памятники этого времени в настоящий момент наиболее разработаны.

Эпоха бронзы в Казахстане (в частности, в его восточных областях) в основном представлена археологическими памятниками так называемой андроновской культуры. Последняя занимает важное место среди культур древнего населения СССР, и ее пристальное изучение составляет насущную задачу советской исторической науки. Этим определяется значение рецензируемой книги. Автор построил ее как публикацию памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане, добытых главным образом его собственными раскопками и еще не освещенных в достаточной мере в печати, и на их основе попытался датировать и выяснить особенности андроновской культуры в пределах исследованной им территории. Не останавливаясь на этом, он предлагает читателю свой очерк происхождения и основных линий исторического развития племен андроновской культуры в целом, выходя, таким образом, за пределы, определяемые заглавием его книги. Само собой разумеется, что в своих исследованиях он был ограничен современным состоянием источников, и это необходимо иметь в виду при оценке как положительных, так и отрицательных сторон рецензируемой работы. В качестве особой части дана глава 6 — «Некоторые вопросы древнего горного дела и металлургии», представляющая собой переработанное и значительно сокращенное повторение старой работы автора «Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая» (Алма-Ата, 1949), дополненное новыми данными. Эта глава, несомненно, представляет специальный интерес.

Большую часть рецензируемой работы (примерно три четверти общего объема) занимает публикация материалов и справочная часть, что, разумеется, составляет ее положительную сторону, но нельзя не признать, что здесь в книге допущены некоторые излишества. Так, учитывая ее тему, мы совершенно не можем оправдать публикацию археологической карты Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей с пространным (17 страниц) перечислением памятников всех эпох, от палеолита до средневековья, тем более что имеется и специальная карта размещения памятников андроновской культуры (рис. 1).

Остальные разделы книги, содержащие публикацию материала и справочные сведения, без сомнения, необходимы и полезны. Сюда относятся: описание исследованных автором поселений и могильников, а также случайных находок, хранящихся в центральных и местных музеях (глава 1); краткое описание результатов раскопок Восточноказахстанской археологической экспедиции с перечислением и характеристикой основных добытых материалов; определение образов фауны и флоры (глава 2); список поселений и могильников андроновской культуры; список бронзовых андроновских орудий и оружия; определение и подсчет костей животных, найденных при раскопках; результаты споро-пыльцевого анализа проб грунта; анализ бронз, произведенный А. Г. Тимофеевым; опыт подсчета количества олова, добытого в древности из Калбинского и Нарымского рудных месторождений; многочисленные таблицы с изображениями древних изделий, фотографии и чертежи.

К сожалению, публикационно-справочная часть выполнена недостаточно тщательно и изобилует пропусками и ошибками. В книге нет, например, плана раскопок близ аула Канай, не даны результаты анализа материала, из которого изготовлены наконецник копья из канайского селища и наконецник стрелы, найденный в могиле 9 соседнего могильника, что является весьма серьезным упущением, учитывая уникальность этих предметов и их значение в качестве образцов материальной культуры древнейших периодов. В списке поселений и могильников андроновской культуры (приложение 2) пропущены крупные андроновские памятники Западного Казахстана — могильник 2 и поселение в урочище Тасты-бутақ, отсутствующие и на карте; исследователем могильника на оз. Сарыколь (№ 31) назван один С. С. Черников, но до него там вела раскопки Л. К. Рифонтова; в числе исследователей могильника Боровое пропущен П. И. Преображенский (№ 44). В тексте книги (глава 4) и на таблицах Б и LXXVII даны различные даты абсолютной хронологии второго и третьего периодов андроновской культуры Восточного Казахстана. Много неточностей в ссылочном аппарате и в подписях под рисунками (например, на изображениях одних и тех же ножей — табл. XXXVI, I и XLVII, 2, 4 — автор ссылается дважды, один раз относя их к ножам «с обособленной рукояткой», стр. 82, а другой — к ножам «с пластинчатым уступом», стр. 83).

Несмотря, однако, на многочисленные упущения и неточности, публикационно-справочная часть рецензируемой работы, без сомнения, полезна для интересующихся археологией эпохи бронзы. Значительно меньший интерес представляет собственно иссле-

довательская часть книги, и это очень жаль, так как научный анализ восточноказахстанских археологических материалов, несомненно, пролил бы новый свет на проблемы, связанные с андроновской культурой, и на проблемы истории эпохи бронзы в СССР в целом. К сожалению, именно в этой части работа С. С. Черникова наиболее неблагоприятна, что и побуждает нас внимательно заняться ею.

Наиболее важной частью оригинальных исследований автора является попытка установления хронологических этапов развития андроновской культуры на территории Восточного Казахстана (глава 4). Распределение археологических памятников по отдельным сменяющим друг друга этапам в археологическом исследовании преследует цель выяснить подлинную историю развития древних обществ, установить реальные этапы их жизни. Поэтому в основе такого исследования должно лежать определение тех групп памятников, которые бытовали совместно, образуя компактную группу, комплекс, отличный по характеризующим его признакам от других групп памятников, бытовавших совместно с ним. Только установив такие комплексы памятников и определив их относительную и абсолютную хронологию, можно придать им значение этапов, отражающих действительные периоды развития общества. Таково основное методологическое требование, к сожалению, не учтенное С. С. Черниковым, что привело его к ряду ошибок весьма серьезного характера.

Приняв за основу предложенные С. В. Киселевым общие рамки андроновской культуры — от XVII—XVI и до XIII—XII вв. до н. э. — и прибавив время карасукской культуры, С. С. Черников датирует андроновскую культуру XVIII—VIII вв. до н. э. и в этих хронологических пределах размещает выделенные им четыре этапа андроновской культуры Восточного Казахстана, приписав каждому из них примерно одинаковую продолжительность.

Первому этапу — Усть-Буконовскому — он отводит XVIII—XVI вв. до н. э. К этому этапу, по его мнению, относятся немногочисленные находки орудий примитивного облика, изготовленных, как он считает на основании впечатлений от их внешнего вида, «не из меди, а, по-видимому, уже из бронзы» (стр. 95), хотя анализ их не производился, а литой и поэтому признаваемый им «несколько более поздним» наконечник стрелы с рудника Джеламбет изготовлен из почти чистой меди (стр. 95, прим. 2 и 3). Типологически эти орудия не андроновские, и по крайней мере часть их, несомненно, очень ранняя, что с оговоркой признает и автор рецензируемой работы (стр. 96). Поэтому отнесение их к Усть-Буконовскому этапу андроновской культуры произвольно. Далее, к Усть-Буконовскому этапу С. С. Черников относит два сосуда из могильника Усть-Буконов. Оба они найдены в обломках в заполнении могил V—IV вв. до н. э. и, возможно, попали сюда из полностью уничтоженных андроновских погребений. По форме оба сосуда андроновские (табл. VII, 1 и 2), но их орнамент, как полагает С. С. Черников, также характерный для андроновской культуры, но покрывающий всю поверхность сосудов, сближает их с керамикой афанасьевской культуры и окуневскими сосудами. На этом основании автор относит эти сосуды к своему Усть-Буконовскому этапу, хотя их форма и орнамент находят себе полные аналогии в сосудах из поселения и могильника близ аула Канай (см. табл. XIX, 2, 5 и табл. LXXVII), а следовательно, они датируются канайским временем. Наконец, к Усть-Буконовскому этапу С. С. Черников относит могилу 9 могильника Канай, заключенную в квадратную оградку из вертикально поставленных гранитных плит. Здесь, на краю могильной ямы, найдены черепки верхней части сосуда, украшенного беспорядочными вдавлениями конца палочки, астрагал и обломок трубчатой кости козы. В могиле оказалось непотревоженное парное погребение мужчины и женщины, лежавших рядом на спине, с поднятыми коленями, головами на восток. Погребенные, как говорит автор, принадлежат к андроновскому типу (стр. 34 и 94)¹. Скелеты были частично окрашены охрой; поверх человеческих костей оказались кости конечностей козы, а около мужского скелета находился наконечник стрелы, по словам автора, бронзовый (стр. 32, 34)², очень своеобразной и, без сомнения, архаической формы (табл. XXa, 2).

По обряду (положение скелетов, краска, кости козы) это погребение не андроновское. О сосуде же С. С. Черников пишет: «Орнамент найденного здесь сосуда — вдавления палочки, разбросанные в беспорядке по всему тулову, — не является ни андроновским, ни афанасьевским, а занимает как бы промежуточное положение; форма же сосуда — плоскодонная, андроновская» (стр. 94). Однако считает этот сосуд андроновским на том основании, что он плоскодонный, никак невозможно, так как его донная часть не сохранилась (см. табл. XXa, 4). Да и сама связь его с погребением 9 (ведь найдено всего несколько черепков «на краю могильной ямы») весьма сомнительна.

Таким образом, андроновскими в указанном погребении остаются только оградка вокруг могилы и антропологический тип одного из погребенных. Но оградки характерны и для афанасьевской культуры, а антропологический тип непосредственно показан

¹ В. В. Гинзбург, изучавший скелеты из раскопок С. С. Черникова, любезно сообщил нам, что череп мужчины из могилы 9 Канайского могильника определен им как европеоидный, андроновский (с некоторой долей сомнения ввиду плохой сохранности), а череп второго скелета определенно не поддается. С. С. Черников на стр. 34 дает неправильную ссылку на статью В. В. Гинзбурга.

² Утрачен и соответствующему анализу не подвергался.

телем археологической культуры служить не может. Мы видим, следовательно, что оснований для выделения Усть-Буконьского этапа в качестве начального этапа андроновской культуры не имеется, и эту попытку С. С. Черникова дополнить и уточнить периодизацию этой культуры следует считать несостоятельной.

Поместив описанное погребение и некоторые архаичные по своему облику металлические предметы в заранее им принятые хронологические рамки андроновской культуры, С. С. Черников тем самым отнес их к этой культуре и поставил в прямую связь с последующим ее этапом. Но для этого, как мы видели, у него не было никаких оснований. Указанные погребения и предметы, несомненно, древнее андроновской культуры и по своему облику не имеют с ней ничего общего. Здесь сказалось неправильное понимание автором определения термина «археологическая культура», некритически заимствованного им у А. Я. Брюсова (стр. 11).

Как известно, А. Я. Брюсов под археологической культурой понимает «единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени», и связывает понятие археологической культуры с конкретным периодом в истории какой-либо этнической группы³. Однако «единство памятников на сплошной и ограниченной территории» может быть только территориально-альтернативным единством, что отнюдь не предполагает единства культурного, а носителями одной и той же по своему облику культуры могут быть представители различных этнических образований. Очевидно, С. С. Черникова определение археологической культуры, данное А. Я. Брюсовым, привлекло именно возможностью связать культуру с этносом (андроновский антропологический тип одного из погребенных в Канае).

В основу дальнейшей периодизации С. С. Черников кладет керамику — наиболее многочисленный на всех четырех раскопанных им поселениях археологический материал, — разделяя ее по характеру орнамента, форме сосудов и технике изготовления на три группы, которым он придает датирующее значение (стр. 75).

К первой, наиболее ранней группе С. С. Черников относит баночные и горшковидные сосуды, изготовленные техникой налепа и украшенные геометрическим орнаментом («елочка», заштрихованные треугольники и меандровидные фигуры, выполненные оттисками гладкого или зубчатого штампа), а также отпечатками конца палочки. К этой же группе принадлежат сосуды с так называемыми «жемчужинами» — круглыми выпуклостями на внешней стороне сосудов. Вторая, более поздняя группа состоит из горшковидных сосудов той же техники изготовления, украшенных наlepными валиками обычно с нанесенными на них наклонно расположенными оттисками гладкого или гребенчатого штампа. Наконец, третья, наиболее поздняя группа «с грубым орнаментом», отличающаяся от предыдущих и по форме, и по орнаментации, и по технике изготовления сосудов (они выдавливались из целого куска глины). Орнаментация сосудов этой группы грубее, проще, но вместе с тем и разнообразней предыдущих. Преобладает один ряд «елочки», косая сетка, беспорядочные вдавления, насечки, «жемчужины» и нарезки по венчику. Часто сосуды совсем не орнаментированы или орнаментированы очень скупо. Новой формой являются сосуды с раздутыми боками и прямой шейкой.

На хронологическом соотношении описанных групп керамики необходимо сосредоточить особенное внимание, так как от решения этого вопроса зависит оценка правильности датировки С. С. Черниковым исследованных им поселений, предложенной им периодизации андроновских памятников Восточного Казахстана, а следовательно и некоторые его исторические выводы.

Керамика первой группы встречается на всех четырех поселениях, а керамика второй и третьей групп — в Усть-Нарыме, Мало-Красноярке и Трушникове, но отсутствует в Канае. Последнее с несомненностью выделяет поселение Канай из числа других как наиболее древнее, так как вторая и третья группы керамики бесспорно моложе первой, что подтверждается и другими находками в Канае, например металлическим наконечником копья примитивной формы или костяными ножами. Однако с датировкой Мало-Красноярки, Трушниковой и жилища 2 Усть-Нарыма дело обстоит значительно сложнее и зависит в первую очередь от правильности датировки керамики второй и третьей групп.

Правильно считая, что керамика второй группы вошла в употребление позднее керамики первой группы, С. С. Черников настойчиво подчеркивает их относительную хронологическую близость, отрывая тем самым вторую группу керамики от третьей. Так он, графически показывая распределение керамики различных групп на раскопанных площадях своих поселений, всегда обозначает места находок черепков керамики первой и второй групп одним и тем же значком, а для керамики третьей группы употребляет другой значок (рис. 7, 11 и табл. XXII). Этим он, отступая от объективности, сознательно навязывает читателю представление о значительной древности керамики второй группы сравнительно с керамикой третьей группы.

Рассматривая этот вопрос, С. С. Черников присоединяется к мнению О. А. Кривцовой-Граковой, которая считает, что керамика с наlepными валиками (у С. С. Черникова — керамика второй группы) появляется очень рано, еще на первом, федоров-

³ А. Я. Брюсов, *Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху*, М., 1952, стр. 20.

ском этапе андроновской культуры (стр. 100). При этом С. С. Черников указывает на наличие валиков на сосудах, несомненно, раннего (федоровского) могильника Орак канайского могильника и на керамику с валиками в Ново-Буринском селище, где найдены и федоровские черепки (стр. 99). Он считает непонятным исключение отсутствия керамики с валиками на Кипельском селище, где К. В. Сальникову удалось расчленить материал на два этапа — федоровский и алакульский.

Мнение С. С. Черникова и доказательство, им приводимые, от начала до конца ошибочны. В могильнике Орак нет сосудов с налепными валиками. Там есть один сосуд с утолщением в виде валика, но этот валик не налепной⁴. То же самое приходится сказать и относительно канайского могильника, который, конечно, известен С. С. Черникову лучше, чем нам. Здесь в могиле I найден сосуд с валиком у венчика, о котором сам С. С. Черников пишет, что он (валик) «не налепной, а образован защипом сырой глины» (стр. 32, табл. XIX, 1, верхний черепок). Ново-Буринское же селище — памятник двуслойный, что хорошо выясняется стратиграфически, и керамика с валиками там связывается с верхним поздним слоем, а не с нижним, федоровским⁵. Что же касается Кипельского селища, то оно в настоящее время уже не является единственным андроновским селищем с федоровским или алакульским керамическим комплексом без сосудов с налепными валиками. Налепных валиков нет и на андроновском селище Тастыбутах алакульского времени (Актюбинская обл.).

Из сказанного с несомненностью вытекает, что керамика с налепными валиками появляется довольно поздно, не на федоровском этапе и даже не в начале алакульского, а скорее всего к концу последнего. Но в таком случае отпадают и основания для выделения по этому признаку в Восточном Казахстане особого Мало-Красноярского этапа андроновской культуры (третьего по схеме С. С. Черникова), синхронного алакульскому этапу на западе.

Ошибочно мнение С. С. Черникова и относительно значительного хронологического разрыва между временем появления керамики второй и третьей групп, что он настоятельно подчеркивает (стр. 101). На Мало-Красноярском и Трушниковском поселениях керамика третьей группы («с грубым орнаментом») встречена совместно с керамикой второй группы, в чем легко убедиться по соответствующим рисункам⁶. Аналогичная картина наблюдается и на западе, например в поздних поселениях Алексеевском и Садчиковском, хотя керамики с грубым орнаментом там, как пишет С. С. Черников, «немного». Уже одно это говорит о принадлежности Мало-Красноярского и Трушниковского поселений к одному хронологическому этапу и об искусственности выделения в каждом из них разноэтапных комплексов. Да иначе и быть не может, так как если первая, наиболее ранняя группа керамики, характерная для Канайского этапа, продолжает существовать совместно с керамикой второй группы и на следующем Мало-Красноярском этапе, то совершенно невероятно полное исчезновение этих групп с переходом к завершающему Трушниковскому этапу. Сам С. С. Черников энергично отвергает возможность предположения появления на Трушниковском этапе в Западном Казахстане новой культуры, сменившей андроновскую, и убедительно доказывает непрерывность культурной традиции эпохи бронзы на этой территории; нет никаких указаний и на смену населения (стр. 103—104).

Из изложенного вытекает, что выделение на поселениях Мало-Красноярка и Трушниково по одному жилищу в качестве памятников Мало-Красноярского этапа совершенно неправомечно, и эти поселения, как и жилище 2 в Усть-Нарыме, следует датировать целиком временем заключительного этапа андроновской культуры.

Ко второму, Канайскому этапу (XV—XIII вв. до н. э.) С. С. Черников относит поселение у аула Канай, жилище 1 в Усть-Нарыме, поселение Барашки 1, 2 и 3, выделяемую им первую группу керамики и большую часть бронзовых орудий, имеющих распространение на всей территории андроновской культуры (орудия общеказахстанских форм). Сопоставление Канайского этапа в Восточном Казахстане с федоровским в других районах андроновской культуры, главным образом по керамике, вообще не вызывает сомнений, однако его абсолютные хронологические рамки и характеристика отличающих его признаков материальной культуры, в особенности при сопоставлении со следующим, Мало-Красноярским этапом, требует существенных оговорок.

Прежде всего С. С. Черников незаконно помещает керамику могильников Сарыколь 1 и 2 и Малый Койтас в 3-й, Мало-Красноярский этап своей схемы, соответствующий алакульскому этапу андроновской культуры на западе. Эта керамика и по форме и по орнаментации сосудов типично федоровская (табл. IV, 3; V, 1; LXXVIIб, 17), и следовательно, ее место во 2-м, Канайском этапе. Могильники Сарыколь 1 и 2 датируются федоровским этапом. Мнение же С. С. Черникова, что они синхронизируются с алакульскими могильниками по значительности размеров погребальных сооружений и величине камней, употребленных на сооружение оградок (стр. 99), по меньшей мере наивно, так как раскопанные и нераскопанные в Сарыколе курганы, кроме одного, весьма

⁴ Архив Института археологии АН СССР, ф. № 42, д. 97, л. 18.

⁵ К. В. Сальников, Раскопки у села Ново-Бурино, «Сов. археология», XXIX—XXX, М., 1959, стр. 176—185.

⁶ Рис. 7 и 11. Поселение Усть-Нарым в этой связи можно не учитывать, так как там найдено всего восемь черепков второй группы (два от венчиков и шесть от стенок сосудов, стр. 39).

скромных размеров (стр. 15—16, табл. IV, 1, 4, 5 и V, 3), да вообще величина надмогильных сооружений андроновской культуры не является показателем их древности.

Что же касается могильника Малый Койтас, в погребальном инвентаре которого (кроме керамики, безусловно, федоровской) имеются некоторые карасукские и алакульские черты, то он, если в его составе не было более поздних погребений, скорее всего относится к концу федоровского этапа, даже в том случае, если по абсолютной хронологии и принадлежит к началу следующего этапа (по С. С. Черникову).

При выделении второго (Канайский), третьего (Мало-Красноярский) и четвертого (Трушиновский) этапов своей схемы С. С. Черников применил методологически неправильный принцип: произвольно намеченными хронологическими границами он попытался разделить имеющийся в его распоряжении материал, в то время как следовало поступить наоборот — сгруппировать материал по определенным совместно встречающимся признакам, отвечающим относительной хронологии, а затем полученные таким способом комплексы датировать в пределах возможного.

В результате применения такого ошибочного методологического приема у С. С. Черникова часть материала разнесена по этапам развития андроновской культуры неправильно, а другая переходит из одного этапа в другой, лишая их четкой разграниченности, которая только и могла послужить основанием к их выделению. Мы уже видели, что федоровская керамика с богатой орнаментацией отнесена автором рецензируемой работы к Мало-Красноярскому (алакульскому) этапу без реальных оснований и должна помещаться в рамках Канайского (федоровского) этапа. Другая часть материала — бронзовые орудия и оружие обшеказахстанских типов, по мнению автора, появившись в канайское время, существует и в мало-красноярское (см. табл. LXXVII, на которой переход отдельных предметов из одного этапа в другой обозначен стрелками).

При анализе материала из канайского поселения нельзя не обратить внимания на следующие обстоятельства. Найденный здесь бронзовый (?) наконечник копья безусловно синхронен культурному слою (стр. 30). Ни по своим размерам, ни по форме он не имеет ничего общего с наконечниками копий сейминско-турбинского типа, которые датируются примерно тем же временем, что и Канайский этап С. С. Черникова (XV—XIII вв. до н. э.). Последним, как известно, синхронны найденные в довольно значительном количестве в Восточном Казахстане и на Алтае кельты (см. табл. рис. 17), считающиеся С. С. Черниковым местным казахстанским орудием (стр. 81), но которые тем не менее бесспорно входят в круг изделий подобного рода, широко распространенных в лесной зоне Сибири и Урала. Отрывать этот тип кельтов от втульчатых наконечников копий сейминско-турбинского типа невозможно, тем более что в ближайшем к Восточному Казахстану крупном центре производства под Томском (поселение Самусь 4) найдены литейные формы как того, так и другого вида изделий.

Странным в этой связи выглядит тот комплекс бронзовых изделий, которым С. С. Черников характеризует свой Канайский этап. Он приписывает ему одновременное существование как указанных кельтов, так и наконечников копий типа, найденного в Канае, ничего общего с наконечниками сейминско-турбинского типа не имеющего. Если согласиться с С. С. Черниковым, то придется считать, что население Восточного Казахстана на Канайском этапе одновременно производило как кельты, имеющие прямые аналоги на других территориях, так и наконечники копий, совершенно оригинальные и несравненно более примитивные по сравнению с наконечниками, уже известными их ближайшим соседям. Примитивность и оригинальность канайского наконечника копья может указывать либо на то, что он древнее сейминско-турбинских наконечников копий, а следовательно и кельтов, либо, если считать их одновременными, что население Восточного Казахстана, по крайней мере в начале канайского этапа, не имело связей со своими северными соседями. Но в последнем случае следует и кельты считать изделиями, появившимися в Восточном Казахстане несколько позднее.

Кинжалы с выемкой у основания (ножи срубного типа) — оружие или орудие, общее для андроновской и срубной культур — действительно появляются довольно рано, но почти все их находки на территории Казахстана относятся к алакульскому этапу (Мало-Красноярскому, по С. С. Черникову), и, следовательно, отнесение их к федоровскому (Канайскому) незаконно. Правда, С. С. Черников считает, что, «судя по аналогиям со срубной культурой, они, несомненно, бытовали и раньше» (стр. 79), но это утверждение голословно и находится в явном противоречии с его же совершенно справедливым замечанием, что в Средней Азии и Казахстане подобные ножи или кинжалы имеют даже карасукские черты и что «прослеживая распространение этих кинжалов с запада на восток, можно хорошо заметить развитие их формы» (стр. 78).

Слабо изогнутые бронзовые серпы с одним или двумя отверстиями для прикрепления рукоятки, кроме случайных находок, найдены в относительно поздних памятниках (Мало-Красноярка, Алексеевка, Степняк, Тулайкин аул), и поэтому мнение С. С. Черникова, что «появились они в связи с развитием земледелия, скорее всего на федоровском этапе» (стр. 79), также голословно.

Вислообушнные бронзовые топоры — форма по происхождению, возможно, ранняя, но они существовали долго. То же самое приходится сказать и относительно втульчатых двуперых наконечников стрел с узкой конической втулкой, так что ни тот, ни другой вид орудия не характеризует только федоровского (Канайского) этапа.

Таким образом, большая часть бронзовых орудий и предметов вооружения (ножи срубного типа, вислообушнные топоры, серпы и кельты) для Канайского этапа Восточ-

ного Казахстана, если этот этап датировать XV—XIII вв. до н. э., не характерна, и эти изделия следует отнести к более позднему времени. С другой стороны, в Канайский этап из последующего Мало-Красноярского следует перенести типично федоровские горшки со сложным орнаментом.

Но наиболее неблагоприятно у С. С. Черникова обстоит дело с третьим, Мало-Красноярским этапом. Керамика федоровского типа, как мы видели, из него выпадает, а керамика второй группы (по С. С. Черникову), т. е. сосуды с налепными валиками, датируется не древнее самого конца алакульского времени и не может быть оторвана от керамики третьей группы, самой поздней, Трушниковского этапа. Следовательно, Мало-Красноярский этап остается без керамики. Но если учесть, что отнесенные С. С. Черниковым к его третьему этапу бронзовые кинжалы и ножи «с обособленной рукояткой», втульчатые долота, тесла и наконечники копий (или ножи) с утолщением у черешка, а вместе с ними даже и предметы из второго (Канайского) этапа, такие, как серпы и двуперые наконечники стрел с узкой втулкой, не могут быть оторваны от бронзовых предметов заключительного Трушниковского этапа, то Мало-Красноярский этап С. С. Черникова лишается содержания, исчезает.

В настоящее время в Восточном Казахстане отсутствуют памятники, которые могли бы поместиться между Канайским (федоровским) и Трушниковским (замараевским, дындыбаевским) этапом, т. е. памятники, соответствующие алакульскому этапу на западе, и поэтому следует считать, что либо со временем такие памятники появятся, либо окажется, что и здесь, как на Енисее, федоровский этап непосредственно сменился «карасукским» (если и на Енисее отсутствие промежуточного звена не является следствием недостаточности наших знаний). Но во всяком случае Мало-Красноярский этап С. С. Черникова является фикцией.

Что же мы получаем в итоге? Из четырех этапов андроновской культуры Восточного Казахстана, предложенных С. С. Черниковым, первый (Усть-Буковский) к этой культуре не принадлежит и по недостатку материала не может быть обрисован с достаточной полнотой; третий (Мало-Красноярский) не существует; второй (Канайский) и четвертый (Трушниковский) представлены по содержанию не полно и датированы не точно. Таким образом, предложенное С. С. Черниковым членение андроновской культуры Восточного Казахстана на четыре этапа не имеет объективного обоснования и не способствует уточнению наших знаний по хронологии бронзовой эпохи.

Говоря об особенностях восточноказахстанского варианта андроновской культуры (глава 3), С. С. Черников прежде всего называет высокий уровень развития горного дела и металлургии, что, по его словам, «не могло не отразиться на уровне жизни и темпах общественного развития» (стр. 67). Последний тезис имеет, однако, скорее декларативный характер: насколько сказался уровень развития металлургии на темпах общественного развития населения Восточного Казахстана проследить по наличному археологическому материалу не удается.

Различия в некоторых деталях формы и орнаментации глиняных сосудов в общем намечены С. С. Черниковым правильно. Так, действительно для восточных областей андроновской культуры характерны так называемые «жемчужины», не известные на сосудах в центральных и западных областях. Уступчик на плечиках сосудов, возможно, правильно представлен в качестве не только хронологической, но и локальной особенности керамики. Однако следовало бы при этом учесть и возможность пробелов в наших знаниях. Это же следует иметь в виду и в отношении такого признака, как несрнраментированная полоса на шейке сосудов, характерная на западе для алакульского этапа. В целом, вполне соглашаясь с возможностью очертить особенности орнаментации андроновской керамики по районам, следует сказать, что С. С. Черников несколько увлекается, не учитывая степень полноты наших современных знаний, и ошибочно, как мы видели, полагает, что в его распоряжении имеются в Восточном Казахстане памятники всех этапов.

Не вызывает возражений указываемое С. С. Черниковым своеобразие восточноказахстанских бронзовых изделий, отражающее значительное влияние карасукской культуры, что уже давно показал М. П. Грязнов.

Что же касается особенностей производства и быта (стр. 87—91), то они, по материалам С. С. Черникова, для Восточного Казахстана по сути дела не прослеживаются. Здесь, как и в других местах, наблюдается сочетание скотоводства и примитивного земледелия при очень малом хозяйственном значении охоты, домашнее производство бронзовых украшений и глиняной посуды. Неясность остатков жилищ в раскопках С. С. Черникова не позволяет говорить о каких-либо локальных особенностях в домостроительстве. В обряде погребения в Восточном Казахстане, как и в других областях, кроме Зауралья и Северного Казахстана, действительно, трупосожжение не отмечается исключительно на федоровском этапе.

Установление локальных различий андроновской культуры — дело очень нужное, но в настоящее время вряд ли можно пойти дальше различия в некоторых деталях.

Значительное место уделяет С. С. Черников вопросу происхождения андроновской культуры (глава 5). Этот вопрос еще не выяснен, и поэтому точка зрения автора рецензируемой работы, претендующего на его разрешение, заслуживает рассмотрения.

Культурно-этнической основой андроновской культуры С. С. Черников считает казахстанский неолит, справедливо указывая, что характерные черты этой культуры заимствовались «на широкой территории, а не только в каком-либо одном районе» (стр. 108).

Однако, переходя к конкретному рассмотрению вопроса, С. С. Черников резко сужает территорию, на которой, по его мнению, складывалась андроновская культура.

На первой из четырех карт, где он показывает распространение андроновской культуры по своим четырем этапам (рис. 20), он отводит первому, Усть-Буконьскому этапу только три небольших и расположенных изолированно территории — верховья Иртыша, правобережья верхнего Ишима — одним погребением в Чаглинке, материал которого известен только по воспоминаниям А. В. Шмидта, а для Енисея — предположением о переселении сюда в усть-буконьское время части населения из Восточного Казахстана, подкрепленным гипотезой Г. Ф. Дебеца о возможном казахстанском происхождении андроновского антропологического типа и своим собственным мнением о невозможности сложения андроновской культуры Енисея на местной афанасьевской основе⁷.

Нет нужды говорить, что указанное переселение никакими материалами не доказывается. Кроме того, известно, что М. Н. Комарова в свое время убедительно обосновала возникновение культуры окуневского этапа на Енисее именно на местной афанасьевской основе⁸.

Точка зрения С. С. Черникова по вопросу о территории, где складывалась андроновская культура, находится в остром противоречии с его же собственным утверждением, что единообразие андроновских форм материальной культуры сложилось на основе широко распространенного единообразия культуры казахстанского неолита. Несомненно, что в будущем будут открыты памятники переходного типа на гораздо более широкой территории, чем очерченная С. С. Черниковым. Совершенно ясно и то, что ограниченность наших знаний не может служить основанием для исторических выводов (что отмечает и редактор рецензируемой книги М. П. Грязнов), и поэтому решение С. С. Черниковым вопроса о территории возникновения андроновской культуры не может быть принято даже в качестве гипотезы.

Дальнейшая история расселения андроновских племен по картам, составленным С. С. Черниковым, отражает, как и в первом случае, скорее состояние наших знаний в сочетании с некоторыми произвольными толкованиями известных фактов, чем историческую реальность. Так, на карте расселения федоровской группы племен территории Киргизии представлена белым пятном, что, без сомнения, объясняется лишь степенью изученности этого района. С другой стороны, вероятные направления передвижения андроновских племен, обозначенные стрелками, ту же Киргизию не захватывают, и непонятно, откуда же здесь на следующем этапе появляется обширный район, занятый алакульскими племенами.

Поэтому и таблица В, на стр. 111, показывающая порайонное распределение андроновских памятников, не может дать нам объективного представления о ходе расселения андроновцев. Когда лакуны в наших знаниях будут заполнены, картина существенно изменится.

«Контурсы исторического развития андроновских племен», предлагаемые С. С. Черниковым в той же главе, представляют собой реферативное изложение имеющихся в специальной литературе сведений относительно общественного, хозяйственного и культурного облика андроновских племен и их исторических судеб и не являются оригинальным исследованием.

Подводя итоги, можно сказать, что как публикация материалов многолетних раскопок Восточноказахстанской археологической экспедиции и как свод сведений по археологическому изучению Восточного Казахстана работа С. С. Черникова заслуживает, несмотря на имеющиеся в ней неточности и ошибки, положительной оценки, но исследовательская ее часть слаба, а оригинальные выводы автора не только не обогащают науку, но подчас дают неправильную ориентировку, о чем читатель должен быть предупрежден.

В. Сорокин

⁷ Малое количество материалов своего первого этапа С. С. Черников предположительно объясняет его возможной кратковременностью (стр. 96). Но этому этапу он же отводит три столетия — столько же, и даже больше, чем каждому из последующих этапов (стр. 94 и табл. LXXVII).

⁸ Н. М. Комаров, Погребения Окунева улуса, «Сов. археология», IX. М. — Л. 1947.